

Ветхий Заветъ и его непреходящее значеніе въ христіанской Церкви

(По поводу древнихъ и современныхъ литературныхъ и общественныхъ теченій противъ общепринятаго значенія и употребленія христіанами ветхозавѣтныхъ священныхъ писаній ¹⁾).

Мы теперь должны указать тѣ частныя стороны, тѣ отдѣльныя моменты понятія о Ветхомъ Заветѣ, которые имѣютъ въ собственномъ смыслѣ непреходящее значеніе и которые, вслѣдствіе того, вполне опредѣляютъ и обусловливаютъ и общее неотмѣнное значеніе Ветхаго Завета въ христіанской Церкви. Выдѣлить эти элементы вѣчнаго, перманентнаго значенія изъ общаго состава содержанія ветхозавѣтныхъ представленій положительно необходимо въ виду того, что многія постановленія обрядоваго характера и другія въ христіанствѣ потеряли свое обязательное значеніе (обрѣзаніе, жертвы и проч.), и даже вообще о Ветхомъ Заветѣ мы слышимъ въ Церкви: „Прейде сѣнь законная, благодати пришедши“ (Вогородич. догматикъ 2 гласа), что совершенно соотвѣтствуетъ апостольскому сужденію о превосходствѣ Новаго Завета предъ Ветхимъ и отмѣнѣ части ветхозавѣтныхъ предписаній въ Новомъ Заветѣ: *„Аще бы первый онъ (заветъ) непороченъ былъ, не бы второму искалося мѣсто. Укоряя бо ихъ, глаголетъ: се, днѣ трудуть, глаголетъ Господь, и совершу на домъ Израилевъ и на домъ Иудовъ заветъ новъ... Внегда же глаголетъ новъ, обветши перваго: а обветшавающее и состаривающееся близъ есть истлѣніа“* (Евр. 8, 7 8. 13. (ч. Іерем. 31, 31). Итакъ, отстаивая непреходящее значеніе Ветхаго Завета въ Христіанской Церкви, мы должны точно обозначить всѣ основныя черты или всѣ главныя стороны содержанія ветхозавѣтныхъ библейскихъ Писаній, кото-

¹⁾ См. Труды Кіевск. Дух. Акад. Ноябрь, 1909 г.

рия сохраняютъ всю силу и полное значеніе и въ христіанствѣ¹⁾.

Само собою уже понятно, что эти черты всецѣло основаны на общемъ у Ветхаго Завѣта съ Новымъ Сверхъестественномъ Откровеніи Бога людямъ и потому,—съ неодинаковою, правда, степенью ясности и силы выраженія—присущи какъ религіи Ветхаго Завѣта, такъ и религіи христіанской, напротивъ, болѣе или менѣе или даже совершенно чужды религіямъ, лишеннымъ Божественнаго Откровенія—религіямъ языческимъ. Превосходство же христіанства предъ Ветхимъ Завѣтомъ во всехъ отношеніяхъ коренится въ явленіи Бога во плоти, которое для Ветхаго Завѣта была дѣломъ чуждымъ, а для Новаго является совершившимся фактомъ основоположительнаго значенія.

Прежде всего здѣсь долженъ быть названъ чистый монотеизмъ ветхозавѣтной религіи, составляющій основной ея догматъ, по слову законодателя Моисея: „слушай, Израиль: Господь, Богъ нашъ, Господь единъ есть“ (Втор. 6, 4); слова эти съ буквальною точностью повторены Господомъ Спасителемъ въ отвѣтъ одному изъ книжниковъ (Мрк. 12, 29), и выраженное здѣсь ученіе о единствѣ Божіемъ остается первымъ и основнымъ догматомъ и христіанства. Сущность ветхозавѣтнаго библейскаго монотеизма составляетъ проходящая чрезъ весь Ветхий Завѣтъ вѣра, что единый, чуждый всякой тѣлесности, чисто духовный, личный, нравственно-совершенный, святой Богъ, безконечно возвышенный надъ сотвореннымъ Имъ и безусловно зависимымъ отъ Него міромъ, открывается однако въ этомъ мірѣ, посредствомъ ряда откровеній и славныхъ дѣлъ, основаль Свое царство среди Израилля, какъ избраннаго народа Своего, и въ этомъ царствѣ являетъ Своему народу все богатство милостей Своей благодати, но подъ непремѣннымъ услови-

¹⁾ Нѣкоторые, относящіеся сюда, мысли см. въ брошюрѣ *E. Kautzsch'a*, *Die bleibende Bedeutung des Alten Testaments*. 1902. Ср. также *J. Nickel'a*, *Alte und neue Angriffe auf das Alte Testament*. 1908.

емъ подчиненія всей человѣческой жизни волѣ Божіей, какъ единой высшей нормѣ, единому общеобязательному закону. Очевидно, монотеизмъ ветхозавѣтной религіи столь же далеко отъ пантеизма, какъ и отъ деизма, болѣе или менѣе присущихъ веѣмъ натуральнымъ религіямъ. Вся глубина ветхозавѣтнаго библейскаго ученія о Богѣ Самомъ въ Себѣ и о Богѣ, какъ Творцѣ, Промыслителѣ и Спасителѣ міра и человѣка, разумѣется, не можетъ быть выражена въ краткихъ словахъ и наиболѣе полно оба момента (трансцендентный, премірный и имманентный) выражаются въ священнѣйшемъ изъ ветхозавѣтныхъ именъ Божіихъ имени Йегова¹⁾. Но для всего ветхозавѣтно библейскаго ученія о Богѣ, какъ объ Абсолютномъ Духѣ (самые термыны эти, конечно, не встрѣчаются въ Ветхомъ Завѣтѣ, даже въ возвышеннѣйшихъ созерцаніяхъ пророковъ), какъ существѣ Безконечномъ и Совершеннѣйшемъ, какъ и для самой религіи ветхозавѣтной, весьма типичнымъ является то обстоятельство, что никогда и нигдѣ въ Ветхомъ Завѣтѣ понятіе о Богѣ не является простою логическою формулою, никогда не превращается въ логическую абстракцію, какъ то бывало въ богословскихъ школахъ послѣднѣннаго іудейства или въ теологическихъ трактатахъ средневѣковыхъ схоластиковъ. Напротивъ, Богъ Ветхаго Завѣта всегда и всюду есть Богъ Живой, и представленіе о Богѣ, какъ Богѣ Живомъ, какъ дѣятельномъ верховномъ Началѣ жизни, совершающемъ дѣла Своей любви, Своей правды, Своего гнѣва въ мірѣ, необходимо заключается въ самомъ уже имени Йегова (см. напр. Чис. 14, 21, 28. Втор. 32, 40, 5, 13. Іер. 10, 10, 46, 18. Іов. 27, 2). Слова св. псалмопѣвца: *имже образомъ желаетъ елень на источники водныя: сие желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже. Возсида душа моя къ Богу Кръпкому и Жи-*

¹⁾ См. Архимандрита, нынѣ Епископа, *Теофана*, Божественное имя Йегова. СПб. 1905. Ср. нашу статью „Йегова“ въ „Богословской Энциклопедіи“ изд. подъ ред. проф. Н. Н. Глубоковского, Т. VI, СПб. 1905, столб. 194—205.

всему: когда прииду и явлюся лицу Божию (Пс. 41, евр. 42, 2—3) характерны для всего ветхозавѣтнаго ученія о Богѣ, совершенно чуждаго всякой школьной спекуляціи о метафизическихъ вопросахъ, напротивъ, выражающаго живую религиозную вѣру ветхозавѣтнаго человѣка въ Единаго Истиннаго Бога, какъ единую опору его бытія, его надежду, его жизнь и спасеніе. Самыя, повидимому, отвлеченныя свойства Божіи—вѣчность, вседѣйствіе, всевѣдѣніе, которыя, какъ преимущественно и собственно метафизическія понятія, для человѣческаго мышленія представляютъ величайшую трудность, въ живомъ религиозномъ чувствѣ напр. псалмопѣвцевъ получаютъ и удовлетворительное для религиознаго сердца разрѣшеніе и понятное для вѣрующей мысли выраженіе. Насколько выше всевозможныхъ попытокъ схоластики дать опредѣленіе вѣчности Божіей въ смыслѣ безначальности и безконечности, а также безвременности и т. под., изображеніе этого своетва Божія у псалмопѣвца съ точки зрѣнія живой религиозной вѣры: *Господи, приближище былъ еси намъ въ родъ и родъ: прежде даже горамъ не быти и создатися земли и вселенный, и отъ вѣка и до вѣка Ты еси.. Яко тысяща лѣтъ предъ очима Твоима, Господи, яко день вчерашній, иже мимо иде, и стража ношная* (пс. 89, евр. 90, 2. 3. 5)! Если вообще Библия говоритъ языкомъ людей, приближая этимъ путемъ небесныя понятія къ иль пониманію, то и понятіе о вѣчности Божіей не могло быть выражено для ума и сердца вѣрующаго иначе, чѣмъ въ этихъ словахъ псалмопѣвца. То же слѣдуетъ сказать о раскрытіи понятій о Божественномъ всевѣдѣніи и о вседѣйствіи Божіемъ въ псалмѣ 138-мъ (евр. 139). Въ изображеніи всевѣдѣнія Божія св. псалмопѣвецъ высказываетъ ту сколько глубокую, столько и поучительную мысль, что Святѣйшему Богу извѣстны все самыя сокровенныя мысли и думы человѣка, тѣмъ болѣе, конечно, Его слова и дѣла. *Господи, взываетъ псалмопѣвецъ къ Иеговѣ, искушалъ мя еси, и позналъ мя еси: Ты позналъ еси съдѣніе*

мое и востаніе мое. Ты разумѣлъ еси помышленія моя издалеца: стезю мою и уже мое Ты изслѣдовалъ, и вся пути мои провидѣлъ еси... Не утаися кость моя отъ Тебе, юже сотворилъ еси въ тайнѣ, и составъ мой въ присподнихъ земли. Несодѣланное мое видѣтъ очи Твои, и въ книгу Твоей вси напишутся... (ст. 1—3, 15—16) Столь же неподражаемо изображено здѣсь и вездѣ-присутствіе Божіе: *Камо пойду отъ Духа Твоего, и отъ лица Твоего камо бѣжу? Аще възду на небо, Ты тамо еси, аще сиду во адъ, тамо еси; аще возму крыль мои рано, и зсеюся въ послѣднихъ моря, и тамо бо рука Твоя наставитъ мя, и удержитъ мя десница Твоя...* (ст. 7—10). Для естественной мысли чловѣка весьма трудно представить сочетаніе безконечнаго распространенія съ идеею личности, необходимо мыслимой съ ограниченіемъ въ отношеніи пространства. Но св. писателѣмъ совершенно избѣгаеть этой трудности, когда ставитъ вопросъ о вездѣприсутствіи Божіемъ не на метафизическую, а на единственно плодотворную религіозно нравственную почву. И читая въ ветхозавѣтныхъ писаніяхъ подобное раскрытіе ученія о Единомъ истинномъ Богѣ, мы не можемъ не чувствовать и ощущать здѣсь вѣанія Духа Божія, „глаголавшаго пророки“, такъ же, какъ и чрезъ апостоловъ,—не можемъ не признать съ полнымъ убѣжденіемъ, что „не плоть и кровь открыли имъ (священнымъ писателямъ Ветхаго Завѣта), это, но Отецъ Небесный“ (Мѡ. 16, 17).

Истинное, Богооткровенное ученіе Ветхаго Завѣта о Богѣ Самомъ въ себѣ, а также о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ міра, создавало то возвышенное, совершенно безпримѣрное въ древнемъ мірѣ міросозерпаніе теистическое въ высшемъ смыслѣ этого слова, которымъ проникнуты какъ Ветхій, такъ и Новый Завѣты. Можно ли даже представить себѣ доктрину, которая чистотою и возвышенностью, удовлетворительностью для мысли и сердца, превзошла библейское ученіе о твореніи и промышленіи и могла когда-либо стать на мѣсто этого ученія? Допускать это значило бы не только не цѣнить Откровенія, но и превратно

судить о самомъ разумѣ и духѣ человѣческомъ. То же слѣдуетъ сказать и о ветхозавѣтно-библейскомъ ученіи о безсмертіи души человѣка и о посмертной судьбѣ людей: начатки ученія объ этомъ предметѣ, не всегда ясные и опредѣленные въ Ветхомъ Завѣтѣ, все-же служатъ основою и новозавѣтнаго ученія объ этомъ.

Безъ сомнѣнія, ученіе Ветхаго Завѣта о Богѣ и Его свойствахъ нашло восполненіе, раскрытіе и завершеніе въ Новомъ Завѣтѣ: соединеніе Бога съ человѣчествомъ въ лицѣ Богочеловѣка, Единороднаго Сына Божія—Христа Спасителя освѣтило новымъ и полнымъ небеснымъ свѣтомъ религіозно-нравственное ученіе Библии, и въ Новомъ Завѣтѣ мы имѣемъ полноту того вѣдѣнія, начатки и не вполне ясныя предвѣстія котораго даны были въ Ветхомъ Завѣтѣ. Такъ, ветхозавѣтное ученіе о единствѣ Божіемъ, всецѣло принятое и Новымъ Завѣтомъ (1 Кор. 8, 4, 6, 1 Тим. 2, 5), завершается здѣсь, въ неразрывной связи съ догматомъ Боговоплощенія, въ ученіе о Троичности Лиць въ Богѣ при единствѣ Ихъ существа, слѣдовательно, сообщается уже откровеніе внутренней жизнедѣятельности Божества. Равнымъ образомъ общее ветхозавѣтно-библейское ученіе о милосердіи Божіемъ, о прощеніи Богомъ грѣховъ людямъ, о спусхожденіи Его къ ихъ немощамъ, получаетъ завершеніе въ новозавѣтномъ ученіи о безпредѣльной и недомыслимой любви Божіей къ міру и людямъ, ради которой Богъ не пощадилъ Сына Своего, но предалъ Его за всѣхъ насъ (Рим. 8, 32. Іоан. 3, 16. 1 Іоан. 3, 16. 4, 9—10). Такое различіе обоихъ завѣтовъ, превосходство Новаго предъ Ветхимъ совершенно понятно изъ неизмѣримой цѣнности Боговоплощенія и Искушенія и, кромѣ того, само собою дается въ идеѣ органическаго раскрытія въ историческомъ ходѣ Откровенія. Но мы ни на минуту не должны забывать, что и ветхозавѣтное ученіе о Богѣ было именно божественнаго, сверхъестественнаго происхожденія и достоинства. Въ этомъ убѣждаетъ насъ, помимо возвышенности и чисто-

ты этого ученія, самая судьба его, именно сохраненіе его въ цѣлости на протяженіи столѣтій и тысячелѣтій, не смотри на прираженія всякаго рода политеистическихъ вѣрованій въ самомъ народѣ Вожіемъ, а также вопреки упорному и могучему натиску язычества на религію Іеговы. Въ наши дни на территоріи древней Палестины произведены раскопки, именно въ области древнихъ палестинскихъ городовъ: Мегиддона, Өаанаха и Газера. Въ открытыхъ здѣсь различныхъ памятникахъ ханаанейскихъ культовъ мы имѣемъ документальное свидѣтельство того, какую внушительную и грозную силу, крайне опасную для чистоты вѣры евреевъ, представляло идолослуженіе ихъ культурныхъ предшественниковъ по жизни въ Палестинѣ, а затѣмъ и сообиталей ея. И если еврейамъ удалось сохранить библейскій монотеизмъ во всей его чистотѣ до самыхъ новозавѣтныхъ временъ, то этого нельзя понять безъ призванія не только богооткровеннаго характера библейскаго ученія о Богѣ, но и особеннаго, сверхъестественнаго Божественнаго содѣйствія носителю ветхозавѣтной религіи—библейскому Израилю въ дѣлѣ сохраненія этого ученія. „Если мы объединимъ, говоритъ проф. В. П. Рыбинскій, въ одинъ цѣльный образъ все (представляемыя раскопками) черты ханаанскаго идолопоклонства, то мы получимъ мрачную картину, предъ лицомъ которой образъ библейской религіи выступить въ особенномъ свѣтѣ. Раскопки въ Газерѣ и въ другихъ мѣстахъ Палестины ясно показываютъ, какую борьбу въ теченіе столѣтій должна была выдерживать богооткровенная религія Израили. Можно сказать, что теперь мы въ первый разъ оказываемся въ состояніи представить картину ханаанскаго идолопоклонства, и кто представитъ эту картину, тотъ съ удивленіемъ спроситъ: какъ могла израильская религія устоять на духовной высотѣ предъ лицомъ этого опаснаго и страшнаго врага? И единственный отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ заключаться въ

признаніи божественнаго содѣйствія ветхозавѣтному Израилю“¹⁾.

Если, даѣе, опасность для ветхозавѣтной религіи съ ея возвыщеннымъ монотеизмомъ шла не только извнѣ—со стороны ханаанскихъ племенъ Палестины и вообще отъ языческихъ сосѣдей Израиля, но и извнутри—со стороны самыхъ членовъ народа Божія; если масса народа еврейскаго издревле до временъ самаго плѣна вавилонскаго тяготѣла въ сторону разнаго народа языческихъ культовъ (Исх. 32, 31. Втор. 32, 16. Суд. 2, 12, 9, 27, 10, 13, 3 Цар. 18. Ам. 5, 26. Мих. 4, 5. Ис. 44, 10 сл. Іер. 1, 16 и мн. др.), и если однако, чистая библейская истина религій въ концѣ концовъ восторжествовала надъ всѣми соблазнами суевѣрія, чувственности и другихъ страстей, то здѣсь мы должны видѣть новое доказательство истинно богооткровеннаго существа ветхозавѣтной библейской религіи, и въ торжествѣ ея надъ всѣми религіозными заблужденіями еврейской народнои массы должны признать великое чудо исторіи, по дѣйствию Промысла Божія, дающей такимъ образомъ неоспоримое свидѣтельство божественной природы, а потому непреодолимой силы и непреходящаго значенія идей ветхозавѣтнаго Откровенія и ветхозавѣтнаго богословія и въ христіанской Церкви.

Но для насъ, христіанъ, и для всей христіанской Церкви имѣютъ великую важность не только самыя истины ветхозавѣтно-библейскаго вѣроученія и правоученія, образующія объективную, божественную сторону ветхозавѣтной религіи, но также и тѣ субъективныя, психологическія формы обнаруженія религіозной жизни, въ которыхъ человѣческая природа ветхозавѣтныхъ людей выражала свое жизненное отношеніе къ истинамъ Откровенія, къ богооткровенной религіи—этому дару небесъ. Религіозная жизнь и

¹⁾ Проф. В. П. Рыбинскій. По поводу новѣйшихъ археологическихъ раскопокъ въ Палестинѣ. „Труды Киевской Духовной Академіи“, 1908, ноябрь, стр. 453, по отдѣльному оттиску, стр. 18.



благочестіе ветхозавѣтныхъ праведниковъ,—независимо, конечно, отъ отсутствія у нихъ христіанскаго сознанія и переживанія оправданія во Христѣ и освященія во Святомъ Духѣ,—включаютъ въ себѣ все основныя моменты, все существенныя элементы истинной религіозной жизни, и между благочестіемъ ветхозавѣтнаго праведника и истиннаго христіанина есть существенное согласіе, сходство, даже единство. Въ самомъ дѣлѣ, существо благочестія и праведности въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ образуетъ, посредствуемое и осуществляемое вѣрою, таинственное общеніе человѣческаго духа съ Святѣйшимъ Богомъ, Чистѣйшимъ Духомъ: и это Богообщеніе, по ученію обоихъ завѣтовъ, достигается путемъ покаяннаго отвращенія человѣка отъ грѣха и, затѣмъ, путемъ свободнаго устремленія всѣхъ силъ его духа къ Богу. Отсюда—вытекающія изъ самой сущности завѣта Бога съ Израилемъ требованія или добродѣтели ветхозавѣтныхъ праведниковъ, каковы: вѣра, послушаніе, смиреніе, благоговѣніе, страхъ и трепеть предъ Богомъ, преданность Богу, любовь къ Нему, надежда на Него, терпѣніе—все эти отдѣльныя черты ветхозавѣтнаго благочестія и праведности неизбежно входятъ и въ понятіе истиннаго христіанскаго благочестія. Больше всего это слѣдуетъ сказать о первой и источной добродѣтели какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта—вѣрѣ. Различаясь отъ новозавѣтной вѣры въ содержаніи и объемѣ, а также въ степени ясности, вѣра ветхозавѣтная по своей психологической природѣ существенно тождественна съ новозавѣтною. Апостольское опредѣленіе вѣры „уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ“ (ἐπιζωμένων ὑποστάσις, πραγμάτων ἔλεγχος ὁ βλεπόμενον) (Евр. 11, 1) столь же точно выражаетъ психологическую природу ветхозавѣтной вѣры, какъ и христіанской: въ противномъ случаѣ христіанамъ было бы вообще невозможно подражать образцамъ вѣры изъ Ветхаго Завѣта. Но въ дѣйствительности, какъ извѣстно, св. Апостоль Павелъ, давши указанное опредѣленіе вѣры въ Евр. 11, 1, затѣмъ всю главу по-

святыль изображенію образцовъ вѣры ветхозавѣтныхъ праведниковъ (гл 11), а въ началѣ слѣдующей главы (12, 1—2) призываетъ христіанъ— „имѣя вокругъ себя такое облако свидѣтелей“, идти тѣмъ же путемъ вѣры и добродѣти, „взирая на Начальника вѣры и Совершителя Иисуса“. И по святому Іоанну Златоусту, какъ мы уже видѣли, слова св. Апостола: *имуща той же духъ вѣры*.. (2 Кор. 4, 13 см. пс. 115, 1), внушаютъ намъ, что какъ въ Давидѣ тогда, такъ и въ насъ теперь одна и та же благодать Духа укоренила силу вѣры, и что тотъ же самый духъ вѣры, который говорилъ въ немъ, дѣйствуетъ и въ насъ. Разумѣется, вѣра ветхозавѣтнаго челоѣка,—съ какою бы энергіею ни проявлялась она, какъ то было у великихъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, начиная съ отца вѣрующихъ Авраама (Рим. 4, 11—12),—не соединялась еще съ сознаніемъ дарованнаго Богомъ прощенія грѣховъ и усыновленія Богомъ челоѣка: это сознаніе въ полной своей мѣрѣ составляетъ принадлежность лишь Новаго Завѣта, потому что только въ Новомъ Завѣтѣ *Богъ бы во Христа мѣръ примиряя Себѣ, не вмѣняя имъ согрѣшеній ихъ, и положивъ въ насъ слово примиренія* (2 Кор. 5, 19); между тѣмъ для ветхозавѣтнаго челоѣка, томившагося цодъ бременемъ грѣховъ, освобожденіе и избавленіе отъ нихъ, было лишь дѣломъ горячаго желанія и напряженнаго чаянія, при чемъ богопросвѣщенные мужи поучали его возлагать надежду не на собственную правду дѣлъ, а на богатство благодати Вожіей, могущей не вмѣнять челоѣку грѣха его: *блаженн* (взывалъ св. псалмопѣвецъ), *ихже оставишася беззаконія, и ихже прикришася грѣси. Блаженъ мужъ, емуже не вмѣнитъ Господь грѣха* (пс. 31, 1—2. Рим. 4, 6—8). Равнымъ образомъ, господствующее въ настроеніи ветхозавѣтнаго праведника сознаніе своей богопринадлежности (напр. пс. 22, евр. 23) не могло еще возвышаться до того блаженнаго чувства благодатнаго сыновства Богу, которое въ Новомъ Завѣтѣ является удѣломъ истинно вѣрующихъ во Христа. (Рим. 8, 14—

15. Гал. 4, 6—7), держающихъ призывать Бога въ молитвѣ именованъ Отца (Матт. 6, 9. Лук. 11, 2), тогда какъ ветхозавѣтный праведникъ, молясь Богу, именовалъ себя рабомъ Иеговы или сыномъ рабыни Его (пс. 85, 16. 115, 7), и хотя основаніе для идеи богосыновства несомнѣнно давалось религіею Ветхаго Завѣта (пс. 102, 13 Притч. 3, 12 и др.), однако не отдѣльный членъ теократическаго общества, но только цѣлый народъ дерзалъ именовать, и при томъ весьма, рѣдко Бога Отцемъ своимъ (Ис. 63, 16), соотвѣтственно тому, что и Богъ именовалъ Своимъ сыномъ прежде всего Израиля (Исх. 4, 22. Іер. 31, 9); Богосыновство же отдѣльныхъ лицъ еще только предсказывалось, предвѣщалось (пс. 88, 27). Въ христіанствѣ, напротивъ, это является уже осуществленнымъ: *видите*, взываетъ св. Апостоль любви къ вѣрующимъ Новаго Завѣта, *какову любовь далъ есть Отецъ намъ, да чада Божія наречемъ, и будемъ* (1 Іоан. 3, 1).

Но тѣмъ болѣе достойно нашего благоговѣйнаго удивленія и поклоненія то обстоятельство, что вѣра ветхозавѣтныхъ праведниковъ могла достигать такой высоты и силы напряженія, такого всеобъемлющаго значенія для всего существа, для всей жизни человѣка, какія являются идеаломъ и для вѣры и жизни христіанъ. Невозможно, конечно, въ краткомъ словѣ обозрѣть разнообразныя проявленія высокой вѣры въ жизни ветхозавѣтныхъ праведниковъ. Но мы находимъ достаточнымъ указать на два отличительныя свойства этой вѣры, которыми опредѣляется истинно-религіозная (а не натуральная, мірская) ея природа: это, во первыхъ, совершенная увѣренность въ будущемъ возданіи отъ Бога при полной готовности жертвовать всѣмъ ради Бога; а, во вторыхъ, пламенная любовь къ Богу и страстная жажда Богообщенія, какъ благороднѣйшій плодъ истинной вѣры. Св. Іоаннъ Златоустъ, приводя слова св. Апостола Павла о ветхозавѣтныхъ праведникахъ — патріархахъ: *по вѣрѣ умроша сѣи вси, не приѣмше обѣтованій, но издавеча видѣвши я, и члѣовѣвши, и исповѣдавши, яко страннии и пришельцы суть на земли*

(Евр. 11, 13), продолжаетъ: „Первая добродѣтель и великая добродѣтель есть—быть странникомъ въ семь міръ и пришельцемъ, и ничего общаго не имѣть съ здѣшними вещами, но удалиться отъ нихъ, какъ отъ чуждыхъ,—каковы и были оныя блаженные мужи, о которыхъ говоритъ Апостолъ. Странниками и пришельцами были сіи святые: какъ и какимъ образомъ? Они не заботились о здѣшнемъ. И это не словами только, но и самыми дѣлами своими показывали. Богъ сказалъ Аврааму: оставь мнимое отечество и иди на чужбину,—и онъ, не жалѣя своихъ родныхъ, оставилъ его съ такимъ безстрашіемъ, какъ-бы чуждую землю. Богъ сказалъ ему: принеси сына твоего въ жертву, и онъ, какъ бы не имѣя сына, какъ—бы не облеченный въ челоуѣческое естество,—такъ принесть его. Стяжанія онъ имѣлъ общими для всѣхъ приходящихъ, и не было ему заботы о томъ. Первенство онъ уступалъ другимъ; подвергалъ самого себя опасностямъ, терпѣлъ тысячи бѣдъ; не строилъ великолѣпныхъ домовъ, не роскошествовалъ, не заботился объ одеждахъ и ни о чемъ другомъ, что относится къ здѣшней жизни, но жилъ тѣмъ, что принадлежитъ къ таинственному граду; отличался сграницопріимствомъ, братолюбіемъ, милостынею, терпѣливостью, презрѣніемъ къ богатству и къ настоящей славѣ, и ко всему прочему. Таковъ же былъ и его сынъ. Подвергшись гоненію и нападению, онъ уступалъ и уходилъ, какъ будучи на чужбинѣ... Что же Іаковъ? Не терпѣлъ-ли тысячи бѣдъ, ходилъ повсюду, какъ странникъ? Все это они переносили и терпѣли, показывая, что ищутъ другого отечества. Ахъ, какая разность съ нами!“ (Бес. XXIV на посланіе къ Евреямъ). Здѣсь св. отецъ, вслѣдъ за св. Апостоломъ, указываетъ въ вѣрѣ ветхозавѣтныхъ праотцевъ коренной признакъ библейско-церковнаго ученія о вѣрѣ, какъ „увѣренности въ невидимомъ какъ-бы въ видимомъ, въ желаемомъ и ожидаемомъ, какъ настоящемъ“; слѣдовательно, вѣра эга по своему направле-

ню является идеаломъ и для христіанъ. Но едва ли еще не болѣе вѣра истинныхъ праведниковъ Вѣтхаго Завѣта обнаруживаетъ свою, такъ сказать, богочеловѣческую природу, является истинно-религіознымъ переживаніемъ вѣчнаго значенія тамъ и тогда, гдѣ и когда она изображается въ Вѣтомъ Завѣтѣ со стороны конечныхъ плодовъ своихъ—проявленій любви къ Богу: здѣсь она паритъ на такой небесной высотѣ, которая едва ли не можетъ быть превзойдена и въ христіанствѣ, напротивъ, являясь нормою и даже идеаломъ и здѣсь, сохранить свою силу даже и въ будущемъ царствѣ славы. Мы разумѣемъ пламенное, охватывающее все существо человѣка и почти забывающее всякія другія блага, устремленіе духа вѣхозавѣтныхъ праведниковъ къ Богу, какъ величайшему и всеединому благу жизни. Черты этого рода во множествѣ встрѣчаются въ книгѣ псалмовъ. Мы уже имѣли случай приводить слова пс. 41 (42), ст. 2—3. А что можетъ сравниться съ небеснымъ восторгомъ любви къ Богу и упоенія блаженствомъ общенія съ Нимъ—въ слѣдующихъ словахъ св. псалмопѣвца къ Богу: *„Что ми есть на небси? и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли? Исчезе сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего, и часть моя, Боже, во тѣхъ. Яко се удаляющіи себе отъ Тебе пошбнутъ.. Мнѣ же прильпятся Богови благо есть, полагати на Господа упование мое“*.. (пс. 72 (73), 25—28) Или вотъ изображеніе возжелѣнной душѣ праведника красоты храма Господня, какъ мѣста обитанія Іеговы на землѣ: *„Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи силъ! Желаетъ и скончается душа моя во дворы Господни: сердце мое и плоть моя возрадовастся о Бозѣ живнъ.. Яко лучше оень единъ во дворѣхъ Твоихъ паче тысячи: изволихъ приметатися въ дому Бога моего паче, неже жити ми въ селеніихъ трпичицихъ“* (пс. 83 (84), 2—3 11). А сколько самой пламенной любви къ Богу выражено св. псалмопѣвцемъ въ псалмѣ 118 мѣ (евр. 119)! Въ каждомъ почти стихѣ этого обширнаго псалма мы слышимъ изліяніе самой нѣжной, самой интимной сердечности и любви праведника къ Богу, напр: *„Коль воз-*

любихъ законъ Твой, Господи, весь день поученіе мое есть... Коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устомъ моимъ!.. Полнощи востать исповѣдаться Тебѣ о судьбахъ правды Твоея“... (ст. 97. 103. 62). И эта любовь къ Богу утѣшала и оживляла праведника среди самыхъ тяжелыхъ испытаній и бѣдствій: „то мя утѣши — взывасть псалмопѣвецъ,—во смиреніи моемъ, яко слово Твое живи мя“ (пс. 118, 50).

Истинная религіозная жизнь невозможна безъ молитвы, составляющей столь же насущную потребность и необходимость для религіознаго духа, какъ дыханіе для тѣлесной жизни человѣка. И сказаннымъ только что о глубинѣ и пламенности вѣры и любви къ Богу ветхозавѣтныхъ праведниковъ само собою предполагается, что въ Ветхомъ Завѣтѣ мы должны встрѣчать и самые возвышенныя образцы молитвы въ истинномъ смыслѣ слова¹⁾. Правда, ни въ Пятикнижій Моисеевомъ, ни вообще въ Ветхомъ Завѣтѣ мы не встрѣчаемъ нарочитыхъ законоположеній о благопотребности и необходимости молитвы; не сохранилось въ цѣломъ Пятикнижій и опредѣленнаго текста молитвы, кромѣ текста молитвы или повѣданія при окончаніи принесенія святылицу узаконенной части плодовъ земли (Втор. 26, 13 слѣд.), и текста священническаго благословенія народу (Чис. 6, 24—26). Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что молитва, какъ самое непосредственное обнаруженіе религіознаго чувства, сама собою предполагалась при жертвахъ (жертвоприношенія, напр. у патриарховъ всегда соединялись съ призываніемъ имени Іеговы, т. е. съ молитвою, см. Быт. 12, 7—8) и вообще при всѣхъ актахъ богочтенія, а затѣмъ, быть можетъ, законодатель, не давая народу опредѣленныхъ формулъ молитвы, имѣлъ въ виду предупредить склонность народа все обращать въ механическое *opus operatum*, всего менѣе допустимое въ молитвѣ и тѣмъ не менѣе по временамъ имѣвшее мѣсто у евреевъ, какъ узнаемъ изъ проро-

1) Нѣкоторыя свѣдѣнія о молитвѣ ветхозавѣтнаго человѣка, см. въ брошюрѣ *M. Kegel's*, Das Gebet im Alten Testament. 1908.

ческихъ обличеній такой, возбуждавшей гнѣвъ и неблаговоленіе Теговы, молитвы (Ис. 1, 15 сл. Ам. 5, 23). Однако совершенная всеобщность и полная необходимость молитвы въ Ветхомъ Завѣтѣ выражается уже основнымъ значеніемъ общаго библейско-еврейскаго названія молитвы—*теффилла* (отъ гл. *палал.*: выступать посредникомъ, ходатаемъ), означающее нѣчто, посредствующее между человѣкомъ и Богомъ, испрашивающее у Бога милости человѣку; а еще болѣе—бездисциплинарными, разбѣяанными по всему Ветхому Завѣту, примѣрами и образцами молитвы. И поистинѣ есть чему поучиться христіанамъ въ этихъ образцахъ молитвы ветхозавѣтной: вся скала религиозныхъ чувствованій проходитъ предъ нами въ разнаго рода случаяхъ молитвы, отмѣченныхъ священными писателями. Можетъ-ли быть, напр, что-либо возвышеннѣе молитвеннаго ходатайства Авраама за обитателей Содома и Гоморры (Быт. 18, 22 сл.) или двукратнаго ходатайства Моисея за свой, прогнѣванный Господомъ, народъ (Исх. 32, 31 сл. Чис. 14, 13 сл.), предносившагося, конечно, и духовному взору Апостола Павла въ его самоотверженной молитвѣ за Израиля, братію и сродниковъ своихъ по плоти (Рим. 9, 3)? Не является ли также достойнымъ образцомъ молитвеннаго смиренія молитва патріарха Іакова предъ встрѣчей съ Исавомъ: „Недостойнъ я, Господи, всѣхъ милостей и всѣхъ благодѣяній, которыя Ты сотворилъ рабу Твоему“ (Быт. 32, 10), или—примѣромъ глубочайшей покорности и преданности судьбамъ Божиимъ—молитва праведнаго Іова, пораженнаго величайшими испытаніями и однако безропотно молящагося: „Господь далъ, Господь и взялъ; да будетъ имя Господне благословенно!“ (Іов. 1, 21)? Въ примѣръ покаянной молитвы назовемъ молитву царя Іудейскаго Манассіа, принятую Православною Церковью въ составъ покаянныхъ молитвъ великаго поученія. Но по-истинѣ неисчерпаемое сокровище разнообразнѣйшихъ молитвенныхъ движеній души человѣческой за-

ключаетъ въ себѣ книга Псалмовъ. Самое широкое молитвенное употребленіе этой книги въ христіанской Церкви въ древнѣйшихъ временъ до нашего времени уже само собою говоритъ о томъ, что христіанская молитва въ безчисленныхъ точкахъ соприкасается съ молитвой ветхозавѣтнаго челоуѣка, нашедшей многоразличное и превосходиѣйшее выраженіе въ Псалтири. Дадимъ здѣсь мѣсто классическому свидѣтельству св. Василія Великаго о всеобъемлющемъ духовныхъ потребности и христіанина значеніи священной книги Псалмовъ. „*Всяко писаніе богодуховенно и полезно есть* (2 Тим. 3, 16), для того написано Духомъ Святимъ, чтобы въ немъ, какъ въ общей врачевницѣ душъ, всѣ мы челоуѣки находили врачевство—каждый отъ собственнаго своего недуга. Ибо сказано: *исцѣленіе утолитъ грѣхи велики* (Еккл. 10, 4). Но много учать пророки, много бытописатели, въ одномъ наставляютъ законъ, а въ другомъ—предложенное въ видѣ приточнаго увѣщанія; книга же Псалмовъ объемлетъ въ себѣ полезное изъ всѣхъ книгъ. Она пророчествуетъ, приводитъ на память событія, даетъ законы для жизни, предлагаетъ правила для дѣятельности и влагаетъ въ уста нѣрующихъ Богоугодныя измѣненія чувства. Короче сказать, она—общая сокровищница добрыхъ ученій, и тщательно отыскивается, что каждому на пользу. Она врачуетъ и застарѣлыя раны души, и недавно уязвленному подаетъ скорое исцѣленіе, и болѣзненное возстановляетъ, и неповрежденное поддерживаеетъ; вообще же, сколь можно, истребляетъ страсти, какія въ жизни челоуѣческой подъ разными видами господствуютъ надъ душами. И при семъ производитъ она въ челоуѣкѣ какое-то тихое услажденіе и удовольствіе, которое дѣлаеетъ разсудокъ цѣломудреннымъ... Псаломъ—тѣнища души, раздаеетъ мира; онъ утѣшаетъ мятежные и волнующіеся помыслы, смягчаеетъ раздражительность духа и уцѣломудриваеетъ невоздержность. Псаломъ—посредникъ дружбы, единеніе между далекими и раз-

дѣленными, примиреніе враждующихъ. Пбо кто можетъ почитать еще врагомъ того, съ кѣмъ возносилъ единый гласъ къ Богу? Посему, псалмопѣніе доставляетъ намъ одно изъ величайшихъ благъ—любовь, изобрѣти совокупное пѣніе вмѣсто узла къ единенію, и сводя людей въ одинъ согласный ликъ. Псаломъ—убѣжище отъ демоновъ, ретульсіе подѣ защиту Ангеловъ, орудіе отъ починныхъ страховъ, упокоеніе отъ дневныхъ трудовъ. Псаломъ—охрана младенцевъ, украшеніе въ цвѣтущемъ возрастѣ, утѣшеніе старцамъ, самое приличное убранство для женъ. Псаломъ населяетъ пустыни, удѣломудриваетъ торжища. Для пововстующихъ—это начатки ученія, для преслѣвующихъ—приращеніе вѣдѣніе, для совершенныхъ—утвержденіе. Псаломъ—гласъ Церкви: онъ дѣлаетъ празднество ея свѣтлыми. Псаломъ производитъ *печаль, яже по Бозю*: пбо онъ и изъ каменнаго сердца исторгаетъ слезы. Псаломъ—авгельское славословіе, небесное сожигельство и каждое невещественное¹⁾. Трудно и едва ли возможно прибавить что либо по существу къ этимъ, несравненной силы и выразительности, словамъ великаго учителя Церкви Христовой о значеніи Псалтири для разнообразнѣйшихъ молитвенныхъ и вообще духовныхъ жизненныхъ потребностей всѣхъ христіанъ во всевозможныхъ ихъ положеніяхъ и обстоятельствахъ. По опыту жизни христіанской Церкви, оканчивающей уже второе тысячелѣтіе своей исторіи, опытъ всѣхъ древнихъ и новыхъ подвижниковъ христіанскаго благочестія, опытъ и всѣхъ рядовыхъ христіанъ каждаго времени краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о тѣхъ неисчислимыхъ благотворныхъ дѣйствіяхъ Псалтири на христіанскія души, о которыхъ говоритъ св. Василій Великій. Неслучайно произошло то, что, и въ западныхъ христіанскихъ общинахъ (лютеранской и другихъ), какъ иногда и

1) Всѣхъ на Псалмы. Творенія св. Василія Великаго, въ русск. перев. ч. 1—2 Москва, 1853, стр. 177—179.

Труды Киевск. Дух. Акад. Т. III 1909 г.



у насъ, Псалтирь обыкновенно помѣщается при Новомъ Завѣтѣ въ одномъ изданіи: здѣсь сказалось глубокое чувство особеннаго сродства ветхозавѣтныхъ псалмовъ съ новозавѣтными писаніями и родства тѣхъ и другихъ въ дѣлѣ благодатнаго вліянія на душу христіанина. Тѣмъ болѣе для православныхъ христіанъ, членовъ и чадъ единой истинной Церкви, стоитъ выше всякаго сомнѣнія, что широкое и разнообразное христіанское употребленіе псалмовъ имѣеть для себя основаніе въ томъ, что они, по своему молитвенно-наставительному духу и характеру, всего болѣе подходятъ къ положенію спасающагося человѣка и въ этомъ отношеніи всего болѣе, такъ сказать, родственны ему. „То, что написано въ псалмахъ, для читающаго ихъ служить какъ бы зеркаломъ, въ которомъ онъ видитъ всего себя, во всѣхъ своихъ душевныхъ состояніяхъ. Въ книгѣ Псалмовъ, по вдохновенію отъ Бога, намѣрена и описана вся жизнь человѣка, всѣ его душевныя расположенія, всѣ движенія его помысловъ, и сверхъ изображеннаго въ псалмахъ, ничего болѣе въ человѣкѣ не отыщется“ (св. Афанасій Великій) ¹⁾. Конецъ слова нашего о Псалтири и ея употребленіи въ христіанской Церкви выразимъ словами святаго Іоанна Златоуста, преподаваемыми Церковію во всеобщее руководство своимъ чадомъ: „упесть солнцу престоати отъ теченія своего, нежели оставити Псалтирь“ ²⁾.

Не смотря однако на столь очевидную и для вѣрныхъ чадъ Церкви столь несомнѣнную высокую важность Псалтири, какъ книги по преимуществу молитвенной и нравоучительной, именно противъ широкаго употребленія этой книги христіанами для молитвы, а также и для назиданія, много-

¹⁾ *Проф. А. А. Оленицкій*. Слово о Псалтири. Кіевъ. 1899, стр. 14—15 („Труды Киевской Духовной Академіи“. 1899, апрѣль).

²⁾ См. Предисловіе къ Псалтири, напр. по изд. Кіевъ. 1902. Вопросъ объ употребленіи Псалтири а другихъ ветхозавѣтныхъ писаній въ православно-христіанскомъ Богослуженіи заслуживаетъ особеннаго вниманія, но по обширности своей можетъ быть предметомъ особой статьи, даже изслѣдованія.

кратно раздавались голоса сначала съ протестантской стороны (разумеется, со стороны крайнихъ представителей богословскаго рационализма), а затѣмъ послышались и у насъ въ Россіи,—тамъ и здѣсь въ связи съ приниженымъ взглядомъ на нравственное ученіе Ветхаго Завета вообще. На этой почвѣ возникли даже удивительныя попытки охранить народную нравственность отъ неблагопріятнаго вліянія ветхозавѣтной Библии. Частнѣе, опасаясь такого вліянія на христіанъ и въ особенности на дѣтей отъ Ветхаго Завета, требуютъ 1) ограниченія богослужебнаго употребленія ветхозавѣтныхъ писаній, слѣдовательно, прежде всего Псалтири, наипаче употребляющейся въ православно-церковномъ Богослуженіи: моленіе, напр., объ отмщеніи врагамъ (пс. 108, евр. 109) представляется несвойственнымъ христіанину;— 2) сокращенія, если не полнаго изыятія, изъ школьнаго обученія священной исторіи Ветхаго Завета, во многихъ дѣйствующихъ лицахъ и событіяхъ которой можетъ ощущаться недостатокъ воспитательнаго, облагораживающаго дѣтскую душу, вліянія: слѣдовательно—3) вообще низко оцѣниваютъ моральное ученіе Ветхаго Завета и всего менѣе склонны усвоить ему непреходящее въ христіанствѣ значеніе. Все это обязываетъ насъ, хотя бы въ короткѣ, остановиться на нравственныхъ воззрѣніяхъ ветхозавѣтной библейской религіи, имѣя въ виду, конечно, не детали всей системы библейской морали, а лишь наиболѣе общія, принципиальныя ея стороны. Согласимся прежде всего, что та почва на которой насаждались нравственныя понятія Ветхаго Завета, была далеко менѣе воздѣланною, культивированною, чѣмъ почва, воспринимающая нравственное ученіе Новаго Завета; Ветхій Заветъ имѣлъ дѣло съ душами и сердцами, невозрожденными Христовою благодатью, сердцами грубыми и некультурными, а потому духъ воздѣйствія его на людей былъ иной, чѣмъ въ Новомъ Заветѣ. Припомнимъ здѣсь руководящее насъ слово Господа Спасителя. Въ отвѣтъ на

выраженное „сынами громовыми“—апостолами Иаковомъ и Иоанномъ намѣрене наказать жителей негостеприимнаго Самарянскаго селенія низведеніемъ на нихъ небеснаго огня, „какъ и Плія съдѣлать“ (4 Цар. 1, 10, 12), Господь нашъ, „обратившись къ нимъ, запретилъ и сказалъ: не знаете, какого вы духа“ (Лук. 9, 52—55); духъ возмездія, кары и мести здѣсь прямо объявляется принадлежностью ветхозавѣтнаго времени, и съ тѣмъ вмѣстѣ утверждается, что новозавѣтному времени и людямъ этого времени—христіанамъ подобаетъ водиться въ жизни иными, противоположными началами—прощеніемъ обидъ, любовію. Посему нисколько не удивительно, но совершенно естественно, что въ Ветхомъ Завѣтѣ не только въ фактической или исторической дѣйствительности мы встрѣчаемъ много отрицательнаго свойства нравственныхъ явленій, но и въ самомъ теоретическомъ правоученіи, въ принципахъ ветхозавѣтной морали, въ законодательствѣ мы наблюдаемъ по мѣстамъ нѣкоторое пониженіе высокаго нравственнаго идеала въ виду несовершенства человѣческой природы вообще, несовершенства и грѣховности носителя ветхозавѣтной религіи Израили въ частности. Иначе и быть не могло „Нѣтъ ни малѣйшаго основанія—справедливо говорить В. С. Соловьевъ о патриархахъ еврейскаго народа Авраамѣ, Исаакѣ, Иаковѣ—предполагать или требовать для первоначальныхъ избранниковъ Божиихъ полноты нравственнаго совершенства. Если бы въ самомъ началѣ исторіи насъ встрѣчала полная чистота, непорочность и совершенство, тогда не было бы и надобности въ длинномъ процессѣ теократическаго воспитанія, исправленія и исцѣленія. Теократія, какъ *божечеловѣческое* сочетаніе, имѣетъ дѣло съ дѣйствительнымъ человекомъ, рожденнымъ и пребывающимъ въ грѣхѣ... Съ непорочными существами Богу не для чего заключать завѣта, ангелы не нуждаются для себя въ такой теократіи. Священное Писаніе *прежше всего правдиво*; оно показываетъ земныхъ избранниковъ такими,

какими они были на самомъ дѣлѣ, показываетъ ихъ живыми людьми съ плотью и кровью, а нерѣдко и съ грязью земною“¹⁾. Нравоученіе библейское достигаетъ своихъ цѣлей при изображеніи какъ добродѣтельныхъ, такъ и порочныхъ лицъ—дѣятелей библейской исторіи; въ этомъ заключается одно изъ существенныхъ отличій библейской исторіографіи отъ свѣтской. „Такъ какъ,—говоритъ св. І. Златоустъ,—цѣль ветхаго и новаго завѣта одна, то Моисей почелъ необходимымъ описать и древнія историческія событія, но не по способу языческихъ писателей; тѣ пишутъ исторію только для того, чтобы изложить разсказъ о событіяхъ, представить войны и сраженія, и приобрести себѣ славу этими писаніями. А законодатель не такъ; но вездѣ онъ излагаетъ исторію мужей великихъ, совершившихъ добрыя дѣла, чтобы повѣствованіе о ихъ жизни служило для потомковъ добрымъ наставленіемъ. Посему онъ представляетъ не только совершившихъ добрыя дѣла, но и согрѣшившихъ, чтобы мы однимъ подражали, а другихъ избѣгали, и чрезъ то и другое преусиживали въ добродѣтели и усердія“²⁾. И въ великомъ покаянномъ канонѣ св. Андрея Критскаго читаемъ: „Ветхаго Завѣта вся приведохъ ти, душе, къ подобію, подражай праведныхъ боголюбивыхъ дѣяній, избѣгни же пакы лукавыхъ грѣховъ“ (пѣснь 8, троп. 6, вторника 1-ой недѣли Великаго поста). Сообщаемыя въ историческихъ библейскихъ повѣствованіяхъ темныя стороны жизни библейско-историческихъ лицъ поучительны еще и въ иномъ отношеніи; онѣ являются самымъ рѣшительнымъ доказательствомъ того, что

1) „Исторія и будущность теократіи (исслѣдованіе всемірно-историческаго пути къ истинной жизни)“. Собраніе сочиненій В. С. Соловьева. т. IV, стр. 328.

2) „Обозрѣніе книгъ Ветхаго Завѣта“. См. „Бесѣда св. І. Златоуста на разныя мѣста Священнаго Писанія“ СПб. 1861, стр. 421.

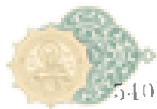
библейскія писанія—не произведенія высокаго естественнаго гонія еврейскаго народа, но написаны подъ высшеестественнымъ вдохновеніемъ Духа Божія. „Очень замѣчательна,—говоритъ Н. Н. Неплюевъ,—прослойка книгъ Боговдохновенныхъ и книгъ историческихъ. Это—лучшее опроверженіе теоріи постепенной эволюціи. Это—лучшее доказательство того, что избранники Бога Живого—не порожденіе среды и обстоятельствъ. Прочтя „Пятикнижіе“ и особенно „Второзаконіе“, невозможно допустить, чтобы вдохновеніе ума и сердца Моисея были естественными продуктами жизни народа „жестоковѣйнаго, съ мѣднымъ лбомъ и побрѣзаннымъ сердцемъ“, какимъ рисуютъ намъ его кровавыя лѣтописи „Книги Царствъ“¹⁾. Имѣя предъ собою столь грубый, еще невоспитанный въ религіозно-нравственныхъ началахъ народъ, безусловно при томъ подчиненный власти жестокихъ понятій суроваго обычнаго древневосточнаго права само законодательство Моисеево не могло возвыщать своихъ чистыхъ нравственныхъ вѣлѣній въ ихъ абсолютномъ, совершенствѣ. напротивъ, тамъ и здѣсь вынуждалось считаться съ требованіями и понятіями этого обычнаго права, иногда граничившаго съ безправіемъ слабѣйшихъ. Такого рода компромиссы мы имѣемъ, напр., въ статьѣ закона о членовредительствѣ, причиненномъ рабу (Исх. 21, 20—21), въ статьѣ о бигаміи (двуженствѣ, Втор. 21, 15 сл.), въ законѣ о разводѣ (Втор. 24, 1—4). Съ этой точки зрѣнія вполне объяснимы и понятны и тѣ проявленія вражды, метительности, какія могутъ смущать насъ въ нѣкоторыхъ псалмахъ, хотя нужно еще всегда помнить, что моленія о наказаніи враговъ у псалмопѣвцевъ и другихъ праведниковъ обычно вытекаютъ изъ чувства глубокой Богопреданности, въ силу котораго враги молящагося мыслятся вмѣстѣ и врагами

¹⁾ „Благовѣсть Библейскій“. Полное собраніе сочиненій Н. Н. Неплюева Т. II. СПб. 1901, стр. 5.

Божіими (таковъ смыслъ, напр., извѣстнаго стиха по тексту LXX изъ пѣсни пророка Исаіи: *приложи имя—нечестивымъ—ма, Господи, приложи ма славнымъ земли* (Ис. 26, 15).

Но сдѣлавъ эти ограниченія, указавъ, что въ моральныхъ ветхозавѣтныхъ воззрѣніяхъ должно быть принимаемо лишь въ относительномъ смыслѣ, мы теперь тѣмъ съ большимъ благоговѣніемъ должны преклониться предъ тѣми чертами вѣчнаго нравственнаго закона, которыя, несомнѣнно, присущи нравственному ученію закона, пророковъ и всѣхъ вообще писаній Ветхаго Завѣта. Прежде и выше всего мы должны здѣсь назвать такъ называемыя „заповѣди десятисловія“ (евр. *асерет-маддебаримъ*), написанныя Моисеемъ со словъ Самого Бога (Исх. 34, 27—28), даже перстомъ самого Бога (Исх. 31, 18) и содержащія въ себѣ основныя черты истинной нравственности (Исх. 20, 2 сл. Втор. 5, 6 сл.). Учители Церкви съ глубокою вѣрностью отмѣчали то обстоятельство, что заповѣди десятисловія, какъ важнѣйшія въ сравненіи съ жертвеннымъ культомъ и вообще обрядовымъ закономъ, объявлены были ранѣе того и другого. Такъ, по объясненію блаженнаго Иеронима, въ словахъ Иерем. 7, 21—23 ясно дается разумѣть, что сначала Богъ далъ десятиловіе на скрижаляхъ каменныхъ, начертанное перстомъ Божіимъ, а уже впоследствии, послѣ преступленія идолопоклонства и золотого тельца (Исх. 31—32) далъ повелѣніе о жертвахъ, чтобы онѣ приносились лучше Ему, чѣмъ демонамъ—далъ повелѣніе, отмѣняя (?) чистую религію десяти заповѣдей Божіихъ и дѣлая уступку относительно кровавыхъ жертвъ и желанія мяса¹⁾. Власть и дѣйствіе этихъ „десяти словъ“ не только обнимаетъ все время Ветхаго Завѣта, но и сохраняетъ всю силу и въ Новомъ Завѣтѣ на всѣ вѣка его

1) Творен. Блаж. Иеронима, рус. перев. ч. 6-я. Изд. 2-е. Кіевъ. 1906, стр. 206.



продолженія. Не лежатъ ли эти заповѣди Синайскаго Закона въ основѣ всей европейской христіанской цивилизаціи и культуры права? не ими ли держится всякое общественное благоустройство? Достоинно всякаго вниманія, что нравственныя заповѣди (начиная съ 5-ой заповѣди), написанныя на второй скрижали, являются выводомъ или практическимъ приложеніемъ заповѣдей религіознаго Богопочтенія, начертанныхъ на первой скрижали: въ этомъ обстоятельствѣ заключается ясное указаніе на присущій ветхозавѣтной религіи этической характеръ, подобно монотеизму рѣшительнымъ образомъ отличающій ее отъ всѣхъ другихъ религіи древности. Представленіе нравственнаго добра для библейско-еврейскаго сознанія совершенно неотдѣлимо связано съ идеею Бога: добро и праведно то, что угодно Богу (Исх. 15, 26. Втор. 6, 18, 12, 28) и чего онъ требуетъ отъ челоуѣка (Мих. 6, 8 и др.). Свидѣтельствомъ великаго моральнаго значенія заповѣдей второй скрижали является и наблюдаемая здѣсь послѣдовательность запрещаемыхъ здѣсь грѣховъ: сначала преступныхъ дѣлъ (6—8 заповѣдь), такихъ же словъ (9-я заповѣдь), наконецъ грѣховныхъ мыслей и сердечныхъ движеній (10-я заповѣдь), заключающихъ въ себѣ начало и источникъ всѣхъ другихъ явленій грѣха. Въ десятословіи, такимъ образомъ, заключена основная суть ветхозавѣтнаго нравственнаго ученія, весьма подробно затѣмъ раскрываемая въ томъ же духѣ въ самомъ Пятокнижии „Если,—говоритъ проф. М. М. Тарбевъ,—мы окинемъ взоромъ весь объемъ соціального законодательства еврейскаго народа, если мы прочитаемъ не только кардинальное требованіе почтительности къ родителямъ и воспрещеніе убійства, прелюбодѣйсва, кражи, лжесвидѣтельства, пожеланія чужой жены и чужой собственности, но и всю, развивающуюся около этого ядра, систему многочисленныхъ заповѣдей о почтительности къ старости, о правдѣ судебной, о честности торговой

о чистотѣ брачной жизни, о милосердіи къ рабамъ, вдовамъ, сиротамъ, нищимъ, пришельцамъ, о внимательномъ отношеніи даже къ скоту и землѣ,—если мы прочитаемъ безъ предубѣжденія эти установленія и законы, то въ насъ народится невольное изумленіе и почтительное благоговѣніе предъ тою строгостью правды, глубокою милосердіемъ и сердечною пѣжностью къ чувствамъ и интересамъ человѣческой личности, которыя положены въ основу еврейскаго законодательства“ 1).

Въ какой мѣрѣ господствовали эти нравственныя начала въ общественной жизни библейскихъ евреевъ въ разные періоды исторіи, прослѣдить это, конечно, затруднительно по недостатку данныхъ для нѣкоторыхъ періодовъ: притомъ въ краткомъ очеркѣ моральнаго ветхозавѣтнаго ученія это и невозможно сдѣлать. Но важно, что нравственныя и религіозно-нравственныя начала проникли самое міровоззрѣніе библейскихъ евреевъ, и имъ, судя по всѣмъ этого рода фактамъ, въ высокой степени было присуще сознаніе вѣчнаго и непреложнаго закона нравственнаго. Такъ, въ этомъ отношеніи весьма характерно для моральныхъ воззрѣній библейскихъ евреевъ то обстоятельство, что у нихъ начальный моментъ сознательной жизни дитяти, моментъ, съ котораго оно становится объектомъ воспитанія, называлось временемъ, когда дитя начинаетъ „разумѣть отвергать худое и избирать доброе“ (евр. *maas bara uvaqor batmos*, Ис 7, 15—16): здѣсь понятіе нравственнаго добра представляется главнымъ и какъ-бы единственнымъ содержаніемъ мысли и жизни дитяти. И многіи библейско-историческія повѣствованія проникнуты тѣмъ высокимъ религіозно-нравственнымъ духомъ, который дѣлаетъ ихъ совершенно незамѣнимыми и

1) „Ветхозавѣтное царство и пророчество“. Журналъ „Христіанинъ“ 1907, ноябрь, стр. 552—553.

въ кругѣ христіанскаго воспитанія дѣтей. Тщетны и безразсудны всякія попытки замѣнить эти библейско-историческіе рассказы рассказами изъ классической исторіи, изъ разныхъ національныхъ исторій или фантастическими вымыслами. Существенное отличіе всѣхъ этого рода суррогатовъ библейско-историческаго назиданія отъ самыхъ библейскихъ повѣствованій заключается въ томъ, что смыслъ всякаго другого рассказа не-библейскаго исчерпывается непосредственно вложеннымъ въ букву его содержаніемъ; напротивъ, библейско-историческіе рассказы,—разумѣется, если не брать ихъ совершенно отрывочно, внѣ связи съ основами библейскаго міросозерцанія,—кромѣ фабулы рассказа внушаютъ высшій религіозно-нравственный смыслъ и имѣютъ гораздо болѣе широкое примѣненіе, чѣмъ какъ можетъ это казаться съ перваго взгляда. Классическій примѣръ этого представляетъ рассказъ Быт. 3 гл. о грѣхопадении прародителей человѣчества: не смотря на кажущуюся дѣтски-наивную форму, онъ воспринимается нашею душею съ нѣкоторымъ предположеніемъ глубоководной тайны изъ жизни человѣческаго духа. Равнымъ образомъ, если, по тысячекратнымъ свидѣтельствамъ родителей, учителей и воспитателей, а также миссіонеровъ, ничто не можетъ замѣнить при первоначальномъ обученіи Закону Божию исторіи Иосифа Прекраснаго, то основаніе или причина этого заключается въ тѣхъ глубоководныхъ общечеловѣческаго и религіозно-нравственнаго свойства истинахъ, которыя выразились въ этой исторіи съ особенною рельефностью, каковы: прежде всего особенная понятность тѣхъ нравственно-бытовыхъ отношеній, которыя имѣютъ мѣсто въ этой исторіи; затѣмъ что еще гораздо важнѣе, здѣсь, въ исторіи Иосифа, самымъ рѣшительнымъ образомъ оправдалась вѣра ветхозавѣтнаго и христіанскаго человѣчества въ то, что надъ судьбами человѣческими, какъ и надъ цѣлымъ міромъ, владычествуети

и направляетъ все къ добру рука благого и премудраго Промысла Божія. Въ заключающихъ эту исторію словахъ Иосифа братьямъ: „вотъ, вы умыслили противъ меня зло; но Богъ обратилъ это въ добро“... (Быт. 50, 20), выражена суть ветхозавѣтной, какъ и христіанской, теодицеи. Столь же существенно важна заключающаяся въ исторіи Иосифа, именно въ разсказѣ о пребываніи его въ домѣ Потифара, мысль о святости и непреложности закона нравственнаго, написаннаго въ совѣсти человѣка и являющагося голосомъ Бога въ человѣкѣ; въ отвѣтъ Иосифа женѣ Потифара на ея постыдное предложеніе ему,—въ словахъ: „какъ сдѣлаю я сіе великое зло, и согрѣшу предъ Богомъ“? (Быт. 39, 9) со всею опредѣленностью выраженъ этотъ неписанный, но вѣчный законъ, на которомъ зиждется не только святость и нерушимость супружескаго союза, но и всего нравственнаго міропорядка и который поэтому во все времена, въ каждой странѣ и во всякомъ народѣ и для людей всякаго возраста и пола является нерушимымъ закономъ.

Но, какъ мы уже сказали, высокій моральный духъ Ветхаго Завета выражается отнюдь не только въ назидательности отдѣльных повѣствованій, а главнымъ образомъ въ высокомъ нравственномъ характерѣ всего міросозерцанія ветхозавѣтно-библейскаго. Основаніе этого заключается въ свойствахъ религіознаго корня, изъ котораго выросло и развилось ветхозавѣтное нравственное ученіе,—первѣе всего въ живой вѣрѣ въ безусловную святость и правду Божию и затѣмъ въ основанномъ на этой вѣрѣ страхѣ Божию. Какъ, по слову Господа Спасителя, въ двухъ заповѣдяхъ о любви къ Богу и къ ближнему заключаются и утверждаются весь законъ и пророки (Матѣ. 22, 37—40), такъ, по словамъ ветхозавѣтнаго мудреца, начало всякаго истиннаго вѣдѣнія, мудрости и совершенства—страхъ Господень (Притч. 1, 7, 9, 10). И какъ широко захватывалъ

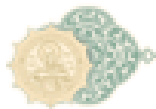
жизнь истинных израильтянъ этого спасительный страхъ Божій, можно видѣть изъ такихъ эпизодическаго свойства библейскихъ повѣствованій, какова исторія Руон или Товита. Было бы совершенно напраснымъ трудомъ искать въ цѣлой литературѣ древняго міра чего-либо подобнаго книгѣ Руонъ по степени пропикновенія уклада всей жизни религіозными вѣрованіями и основанными на нихъ нравственными принципами. Въ этомъ отношеніи между библейскими евреями и греками съ ихъ прославленною культурою—дѣлая бездна. Если вообще нравственное ученіе и практическая жизнь являются лишь примѣненіемъ къ жизни теоретическихъ предпосылокъ и вѣрованій („по плодамъ ихъ узнаете ихъ“, сказалъ Господь, Мато. 7, 16), то въ возвышенномъ учении Ветхаго Завета и въ образцахъ добродѣтелей тамъ мы имѣемъ несомнѣнное доказательство сверхъестественнаго свойства ветхозавѣтной религіи и морали.

Уже въ законодательствѣ Моисеевомъ имѣются послѣдованія, по своей нравственной высотѣ приближающіяся къ христіанству. Таково, напр., наставленіе Исх. 23, 4—5: „Если найдешь вола врага твоего, или осла его, заблудившагося, —приведи его къ нему. Если увидишь осла врага твоего упавшимъ подъ ношею, то не оставляй его: развяжешь вмѣстѣ съ нимъ“. Ср. Втор. 22, 1—4. Высокое развитіе тонкаго нравственнаго чувства предполагается также въ слѣдующемъ повелѣніи: „Если ты ближнему твоему дашь что-нибудь взаймы, то не ходи къ нему въ домъ, чтобы взять у него залогъ; постой на улицѣ, а тотъ, которому ты дашь взаймы, вынесетъ тебѣ залогъ свой на улицу“ (Втор. 24, 10—11) По наибольшей высотѣ своей ветхозавѣтное нравственное ученіе достигло въ писаніяхъ пророческихъ. Совершенно невозможно въ сжатой рѣчи выразить все неисчерпаемое богатство моральнаго ученія святыхъ пророковъ; укажемъ лишь основную его суть, опредѣляемую тѣсною связью этого

учениа съ ученіемъ пророковъ о Богѣ. Такъ какъ, по воззрѣніямъ пророковъ, основными свойствами Бога—Иеговы, опредѣляющими Его отношеніе къ міру и людямъ, являются любовь и миѡлость, святость и правда Его (напр. Ис 43, 21. Іез 18, 23, 33, 11. Зах. 8, 8 и мн. др.), то эти нравственные свойства Иеговы, по ихъ ученію, образуютъ религиозную основу истинной морали, которая у людей тоже существеннымъ образомъ выражается въ правдѣ или справедливости и въ любви и миѡсти: праведный и миѡстивый Богъ требуетъ и отъ людей правды и миѡсти въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ (Ос. 6, 6. Іер 22, 16. Іез. 18, 5 ст.). Пѣсколькихъ отдѣльныхъ пророческихъ наставленій о правдѣ, добрѣ и миѡсти достаточно для того, чтобы видѣть, каковы, по ученію пророковъ, должны быть взаимныя отношенія людей. У пророка Амоса читаемъ обращенное отъ лица Божія требованіе къ народу: „пусть, какъ вода, течетъ судъ, и правда—какъ сильный потокъ“! (Ам. 5, 24). У пророка Осии: „сѣйте себѣ въ правду—и пожнете миѡсть. — пабъ подай миѡсть и судъ, и уповай на Бога своего всегда“ (Ос. 10, 12. 12, 6). У пророка Исаии: „научитесь дѣлать добро; ищите правды; спасайте угнетеннаго; защипайте сироту; вступайтесь за вдову... Такъ говоритъ Господь: сохраняйте судъ и дѣлайте правду, ибо близко спасеніе Мое и откровеніе правды Моей... Вотъ цѣсть, который Я избралъ: разрѣши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенныхъ отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо. Раздѣли съ голоднымъ хлѣбъ твой, и скитающихся бѣдныхъ введи въ домъ твой; когда увидишь нагого, одѣнь его, и отъ единокровнаго своего не укрывишься“ (Ис. 1, 17—26, 1—28, 6—7). Такъ, святые пророки выше жартвъ и всесожженій, выше праздничныхъ собраний, выше постовъ и иныхъ дѣлъ благочестія поставляютъ дѣла любви и правды. Приведемъ лишь въ заключеніе рѣчи о моральномъ ученіи пророковъ необыкновенно

красоты, силы и выразительности слова пророка Михея: „О, человекъ! сказано тебѣ, что-добро, и чего требуетъ отъ тебя Господь: дѣйствовать справедливо, любить дѣла милосердія и смиренномудрено ходить предъ Богомъ твоимъ“ (Мих. 6, 8).

Возвышенная мораль Ветхаго Заѣта, высоты которой не можеть отрицать самый скептической умъ, служить безспорнымъ доказательствомъ небснаго происхожденія догматической первоосновы Ветхаго Заѣта. Но тотъ же сверхъестественный характеръ ветхозаѣтной религіи непрерываемо открывается и изъ того, что весь Ветхій Заѣтъ, какъ заѣтъ и Новый, проникнутъ одною идеею—идеею спасенія человекъ и заключаетъ въ себѣ строго опредѣленный планъ этого спасенія, словомъ, является, по техническому богословскому выраженію, домостроительствомъ спасенія людей. Этого плана, этой системы устройства спасенія людей мы напрасно-бы искали въ религіяхъ языческаго міра: не смотря на отдѣльные и исключительные проблески истины и добра, религія и вся исторія язычества характеризуется именно отсутствіемъ планомернаго, поступательнаго движенія человекъчества къ совершенству, къ спасенію; язычники, по Апостолу, „были безъ Христа, отчуждены отъ общества Израильскаго, чужды заѣтовъ обѣтованія, не имѣли надежды и были безбожны въ мірѣ“ (Еф. 2, 12). Напротивъ, Ветхій Заѣтъ всюду проповѣдуетъ эту идею постепеннаго воспитанія человекъ Богомъ и воплощаетъ ее, какъ и Новый Заѣтъ, въ идеѣ царства Божіа, хотя это царство Божіе въ Ветхомъ Заѣтѣ носитъ характеръ ограниченной однимъ избраннымъ народомъ теократіи, а въ Новомъ оно имѣеть совершенно универсальный характеръ царства благодати, „гдѣ нѣтъ ни Еллина, ни Іудея, ни обрѣзанія, ни необрѣзанія, варвара, скиноа, раба, свободнаго, но все и во всемъ Хригосъ“ (Кол. 3, 11)



Общность искупительной идеи обоихъ завѣтовъ частице выражается въ слѣдующихъ отдѣльныхъ моментахъ. Какъ въ Вѣтхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ въ основаніи благодатнаго общенія людей съ Богомъ лежитъ актъ избавленія, дарованный свободно милостью Теговы,—въ одномъ случаѣ—избавленія народа отъ виѣшняго плотскаго рабства, въ другомъ—каждаго отдѣльнаго челоуѣка отъ рабства духовнаго. Тамъ и здѣсь изъ этого избавленія вытекаетъ у людей чувство Богопринадлежности, сыновства Богу, а также сознаніе долга подчиниться и служить волѣ Божіей и цѣль—уподобиться Богу. Тамъ и здѣсь предполагается прощеніе грѣховъ челоуѣка Богомъ, и для преподанія этого прощенія и заглаженія существуютъ жертвы и вообще искупительныя религіозныя средства, при условіи сознанія и исповѣданія грѣшникомъ своихъ грѣшныхъ мыслей, словъ и дѣланій. Въ Вѣтхомъ и Новомъ Завѣтѣ Богъ благодатно обитаетъ въ Своей Церкви: въ Вѣтхомъ Завѣтѣ—въ національномъ святилищѣ библейскаго Израиля, въ Новомъ Завѣтѣ—въ безчисленныхъ христіанскихъ храмахъ и въ сердцахъ вѣрующихъ въ Бога.

По всему этому вполне понятно указываемое Апостоломъ отношеніе Вѣтхаго Завѣта къ Новому, какъ отношеніе прообразовательной тѣни къ самому существу истинны (Кол. 2, 17. Евр. 10, 1), обѣтованій къ ихъ исполненію (2 Кор. 1, 20, Ср. Лук. 22, 37. 24, 25 сл.). Понятно съ тѣмъ вмѣстѣ, что изученіе Закона Божія въ нашихъ школахъ должно совершаться такъ, чтобы всюду выступала органическая связь обоихъ Завѣтовъ, и чтобы идеею спасенія людей освѣщались всѣ отдѣльныя рассказы изъ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи. Этого, къ прискорбію, доселѣ не наблюдается ни въ низшихъ, ни въ среднихъ нашихъ школахъ. Дѣти учатъ отдѣльныя отрывки исторіи въ формѣ рассказовъ, напр. о Шоѣ, объ Авраамѣ,

о Давидѣ и проч., а какое отношеніе имѣютъ эти рассказы къ исторіи христіанства, они не представляютъ. Между тѣмъ нужно имѣть такой учебникъ по Закону Божию, который бы обнималъ и выискивалъ собою такъ сказать—полное христіанство, т. е. ветхозавѣтное и новозавѣтное и ихъ тѣсную взаимную связь ¹⁾. Относительно курса духовныхъ семинарій весьма сжатичва мысль (проф. М. А. Остроумова) ввести въ составъ учебного ихъ курса новый предметъ (взаимнѣ „Библейской исторіи“) „Историческое ученеіе о домостроительствѣ нашего спасенія“ ²⁾.

Приведемъ въ заключеніе своей рѣчи два авторитетныхъ мнѣнія. Знаменитый лингвистъ Вильгельмъ Гумбольдтъ ³⁾ говоритъ о ветхозавѣтной Библии: „Ветхозавѣтныя книги дошедшія до насъ изъ глубокой древности, принадлежатъ къ самымъ цѣннымъ по ясности и полнотѣ историческимъ свидѣтельствамъ о ней.. Мнѣ часто доставляла удовольствіе одна мысль о томъ, что возможно было составить нѣчто столь великое, богатое и разнообразное, какъ Библия. Народу эта единственная его книга замѣняетъ всё произведенія человеческого духа,— исторію, поэзію и философію, и при томъ едва ли есть настроенія ума и сердца, которыя не находили бы себѣ отклика въ Библии. При этомъ въ Библии лишь немногое непонятно настолько, чтобы быть недоступно простому чувству; богатыя знанія глубже проникаютъ въ Библию, но никто не уходитъ отъ нея неудовлетвореннымъ. Читаніе Библии

¹⁾ См. „О преподаваніи Закона Божія въ начальной народной школѣ“. Церковн. Вѣстн. 1909, № 9, стр. 257—260.

²⁾ Проф. М. А. Остроумовъ и проф. П. Н. Глубоковскій, „О реформѣ духовной школы“. СПб. 1908.

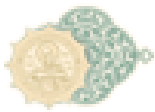
³⁾ У проф. прот. П. Я. Свѣтлова. „Книга книгъ. Основанія вѣры въ Библию, какъ слово Божіе“. См. журн. „Христіанинъ“, 1909 г. № 4, апрѣль, стр. 739.

есть безконечный и вѣрнѣйшій источникъ утѣшенія. Затрудняюсь что-нибудь сравнить въ этомъ отношеніи съ Библиею, *Одинаково сильное, хотя и различное по качеству, получается утѣшеніе отъ чтенія какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завета. Въ обоихъ заветахъ видимъ дѣйствіе одного и того же, весьма управляющаго, Провидѣнія Божія, одну и ту же господствующую идею, и изъ обоихъ нихъ при надлежащемъ религіозно-нравственномъ настроеніи вырастаетъ непоколебимо-глубокое убѣжденіе, что и скорбныя событія въ жизни или страданія людей какъ нельзя лучше приспособлены Божественною мудростію къ общему благу и къ благу самихъ страждущихъ для него и изъ за него“ 1).*

„У маленькаго, темнаго и презираемаго другими націями, народа, говоритъ Лакордеръ, находилась книга, которая сдѣлалась бы величайшимъ памятникомъ человѣческаго ума, если бы не была произведеніемъ Самого Бога, и которой самые враги вынуждены были воздать эту честь, Гомеръ не имѣетъ ничего равнаго сказанію о жизни патріарховъ въ книгѣ Бытія; Пиндаръ стоитъ ниже глубокой выпренности пророковъ; Фукидидъ и Тацитъ неравными съ Моисеемъ, какъ историкомъ; законы Исхода и Левитъ оставляли далеко за собою законодательства Ликурга и Нумы; Сократъ и Платонъ были превзойдены, еще до Евангелія, Соломономъ, оставившимъ намъ въ Пѣсни Пѣсней удивительнѣйшую пѣснь божественной любви, внушенную тварнымъ устамъ, и въ Екклесіастъ—вѣчный меланхолическій гимнь падшаго человѣчества; наконецъ, Евангеліе, завершая назначеніе этой единственной книги (Библии), положило на нее печать красоты, дотоли неизвѣстной людямъ, которая, оставаясь неподражаемою, не имѣетъ на землѣ, какъ и все христіанство, никакого термина для сравненія“ 2).

1) Курсивъ—нашъ.

2) См. у Ф. Вигуру, Руководство къ чтенію и изученію Библии подготовлено Киевской Духовной Академіей и Семинаріей, <http://kdais.kiev.ua>



Пожелаемъ же вящшаго и вящшаго распространенія библейскихъ познаній въ нашемъ обществѣ, въ нашемъ отечествѣ. Пусть чавыкнутъ у насъ,—вмѣсто необоснованныхъ, безплодныхъ и нравственно-преступныхъ вылазокъ противъ святыни Библии—поучаться въ законѣ Господнемъ день и ночь! Примѣры нашихъ благочестивыхъ предковъ, знавшихъ наизусть не одну Псалтирь, но порою и всю Библию (св. Александръ Невскій, кн. Владиміръ Мономахъ и мн. др.), да послужатъ для насъ поощреніемъ и поддержкою въ выполненіи этого, обязательнаго для всякаго христіанна, долга!

Свящ. А. Глаголевъ.